Русские былины

Илья-Муромец и Калин-царь

Как Владимир-князь да стольно-киевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодный
Да на три года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая.
Она видит - это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодный,
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев- град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Апраксу-королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да патаённых,
Приказала-то на погреб на холодный
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она яствушку поставить да хорошую
И одежду сменять с ново на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу,
А Владимир-князь про то не ведает.
Воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев гряд,
И хочет он разорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голову срубить
Да со той Апраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
- Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спускай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну.
Да й пройдешь палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку.
На пяту ты дверь да поразмахивай,
Подходи-ка ты ко столику к дубовому.
Становись-ка супротив князя Владимира,

Полагай-ка грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
" Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да смотри, что в грамоте да напечатано.
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие.
По всему-то городу по Киеву
А по всем по улицам широкиим,
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладких хмельныих напиточков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко поблизку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоем во городе во Киеве".
То Владимир-князь да стольно-киевский
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано:
А что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие
Да наставить сладких хмельныих напиточков
А по всем по улицам широкиим
Да по всем переулкам княженецкиим.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Видит - есть это дело немалое,
А немало дело-то - великое.
А садился-то Владимир-князь да на червленый стул
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
"Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времячка на три года,
На три года дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладкиих хмельных напиточков
Да й поставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княжецкиим".
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры времячка на три года,
На три года и на три месяца,

На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день как и дождь дождит,
А неделя за неделей как река бежит -
Прошло поры-времячка да три года,
А три года да три месяца,
А три месяца да еще три-то дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал вбдь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
- Нет жива-то старого казака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божий,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Апраксы-королевичны!
Говорит ему любима дочь да таковы слова:
- Ай ты, батюшка Владимир-князь наш стольно-киевский!
Ведь есть жив-то старыя казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе холодноем.
Тут Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодный,
Отмыкает он скоренько погреб да холодный
Да подходит ко решеткам ко железныим,
Разорил-то он решетки да железные -
Да там старыя казак да Илья Муромец.
Он во погребе сидит-то, сам не старится,
Там перинушки-подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Яствушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет сменная.
Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злачёные,
Выводил его со погреба холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста сахарные,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подле себя
И кормил его да яствушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем медвяныим,

И говорил-то он Илье да таковы слова:
- Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь да в полону стоит.
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своими со войсками со великими.
А постой-ка ты за веру, за отечество,
И постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ка ты за князя за Владимира,
Да постой-ка за Апраксу-королевичну!
Так тут старыя казак да Илья Муромец
Выходит он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну
Да спросил-то как он паробка любимого.
Шел со паробком да со любимыим
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского
Говорил Илья да таковы слова:
- Ай же ты, мой паробок любимый,
Верный ты слуга мой безызменныи,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!-
Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялый
А й на тот же славный на широкий двор.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседлывать.
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек -
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седёлышко недержано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковыих,
И шпенёчики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества -
Ради крепости всё богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется - не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:

Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, копье брал мурзамецкое,
А еще брал саблю свою острую,
Еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарскиим
Посмотреть на войска на татарские.
Нагнано-то силы много множество.
Как от покрика от человечьего,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старыя казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую -
Конца-краю силе насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны -
Конца-краю силе насмотреть не мог.
Он спустился с той горы да со высокия,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону.
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы,
И у белыих шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокий
И поехал по раздольицу чисту полю.
Приезжал Илья к шатрам ко белыим,
Как сходил Илья да со добра коня.
Да у тех шатров у белыих
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблят-то пшену да белоярову*.
Говорит Илья да таковы слова:
- Поотведать мне-ка счастия великого.-
Он накинул поводы шелковые
На добра коня на богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
- А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшену да белоярову?

Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер -
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри всё святорусские.
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорил Илья да таковы слова:
- Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А й крёстный ты мой батюшка
А й Самсон да ты Самойлович!
Говорит ему да крёстный батюшка:
- А й поди ты, крестничек любимыя,
Старыя казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати.
И он встал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровались,
Поздоровались они да целовалися,
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец - да он тринадцатый.
Они попили, поели, пообедали,
Выходили из-за стола из-за дубового,
Они господу богу помолилися.
Говорил им старыя казак да Илья Муромец:
- Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович,
И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град,
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить хочет он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Апраксой-королсвичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-ка за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град,
Вы постойте-тко за церкви те за божий,
Вы поберегите-тко князя Владимира

И со той Апраксой-королевичной!-
Говорит ему Самсон Самойлович:
- Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр -
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.-
Говорит-то старыя казак Илья Муромец:
- Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит...
Говорит ему Самсон Самойлович:
- Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле...
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь много есть князей-бояр -
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.
А й тут старыя казак да Илья Муромец,
Он тут видит, что дело ему не полюби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого,
А от той пшены от белояровой.
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю.
И подъехал он ко войскам ко татарскиим.
Не ясён сокол да напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных серых утушек -
Напускается богатырь святорусския
А на тую ли на силу на татарскую.

Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарскоей.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую -
А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырския
Испровещился языком человеческим:
- Ай же славный богатырь святорусский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великий:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много множество.
И у него есть сильные богатыри,
Поляницы есть удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделано-то ведь три подкопа да глубокие
Да во славном раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бито-то силу ту великую;
Так просядем мы в подкопы во глубокие -
Так из первыих подкопов я повыскочу
Да тебя оттуда я повыздану;
Как просядем мы в подкопы-то во другие -
И оттуда я повыскочу,
И тебя оттуда я повыздану;
Еще в третий подкопы во глубокие -
А ведь тут-то я повыскочу
Да тебя оттуда не повыздану:
Ты останешься в подкопах во глубокиих.
Еще старыя казак да Илья Муромец,
Ему дело-то ведь не слюбилося.
И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет кот да по крутым ребоам,
Говорил он коню таковы слова.
- Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поле
Да во тех подкопах во глубокиих!-
И поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит,
- У Ильи-то сила не уменьшится.
Он просел в подкопы во глубокие -
Его добрый конь да сам повыскочил,

Он повыскочил, Илью с собой повызданул.
Он пустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
Он и бьет-то силу, как траву косит,-
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Он просел с конем да богатырскиим,
Он попал в подкопы-то во другие -
Его добрый конь да сам повыскочил
Да Илью с собой повызданул.
Он пустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть
И он бьет-то силу, как траву косит,-
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Он попал в подкопы-то во третий,
Он просел с конем в подкопы-то глубокие,
Его добрый конь да богатырский
Еще с третиих подкопов он повыскочил
Да оттуль Ильи он не повызданул.
Соскользнул Илья да со добра коня.
И остался он в подкопе во глубокоем.
Да пришли татары-то поганые,
Да хотели захватить они добра коня.
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки -
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татары-то поганые,
Нападали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
- Отрубить ему да буйную головушку!
Говорят ины татары таковы слова:
- Ай не надо рубить ему буйной головы -
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает.
Повели Илью да по чисту полю
А ко тем палаткам полотняныим.
Приводили ко палатке полотняноей,
Привели его к собаке царю Калину.
Становили супротив собаки царя Калина,

Говорили татары таковы слова:
- Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тех-то подкопах во глубокиих
И привели к тебе, к собаке царю Калину,
Что ты знаешь, то над ним и делаешь!
Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
- Ай ты, старый казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тебе где-то одному побить силу мою великую!
Вы раскуйте-тко да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые.
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
- Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да садись-ка ты со мной а за единый стол,
Ешь-ка яствушку мою сахарную,
Да и пей-ка мои питьица медвяные,
И одень-ко ты мою одежу драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью -
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину.-
Говорил Илья да таковы слова:
- А й не сяду я с тобою да за единый стол,
И не буду есть твоих яствушек сахарниих,
И не буду пить твоих питьицев медвяныих,
И не буду носить твоей одежи драгоценный,
И не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
И не буду служить тебе, собаке царю Калину.
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный за Киев-град,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Апраксой-королевичной.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняноей
Да ушел в раздольице чисто поле.
Да теснить стали его татары-то поганые,
Хотят обневолить они старого казака Илью Муромца,
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепкиих,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старыя казак Илья Муромец Видит он - дело немалое.
Да схватил татарина он за ноги,
Так стал татарином помахивать,

Стал он бить татар татарином -
Й от него татары стали бегати.
И прошел он сквозь всю силушку татарскую.
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону.
То идет он по раздольицу чисту полю,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепкиих.
Засвистал в свисток Илья он богатырский -
Услыхал его добрый конь во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старыя казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он на гору на высокую,
Посмотрел-то он под восточную под сторону -
А й под той ли под восточной под сторонушкой,
А й у тех ли у шатров у белыих
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-то казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спускал ту стрелочку во бел шатер.
Говорил Илья да таковы слова:
- А лети-тко, стрелочка каленая,
- А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сними-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
Проскользни-тко по груди ты по белыя,
Сделай-ко царапину да маленьку,
Маленьку царапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется.
Й он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка скользнула-то,
Сделала она царапинку-то маленьку.
А й тут славныя богатырь святорусския

А й Самсон-то ведь Самойлович
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные -
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди.
Она царапинку сделала да по белой груди.
Й он скорёшенько стал на резвы ноги.
Говорил Самсон да таковы слова:
- Ай же славные мои богатыри вы святорусские,
Вы скорёшенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые -
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Проскользнула стрелка по белой груди,
Она царапинку дала по белой груди,
Только малу царапинку дала, невеликую:
Пригодился мне, Самсону, крест на вороте -
Крест на вороте шести пудов.
Кабы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову.
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней
И поехали раздольицем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тем они силам ко татарскиим.
А со той горы да со высокии
Усмотрел ли старыя казак да Илья Муромец,
А что едут ведь богатыри чистым полем,
А что едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокии,
И подъехал он к богатырям ко святорусскиим -
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый,
И приехали они ко силушке татарскоей,
Припустили коней богатырскиих,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняноей.
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняноей.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
- А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину.
Говорил старой казак да Илья Муромец:

- А почто рубить ему да буйную головушку?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.
Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он берет собаку за белы руки
И садил его за столики дубовые,
Кормил его яствушкой сахарною
Да поил-то питьицем медвяныим.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
- Ай же ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Не сруби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку
А тебе-то, князю, я, Владимиру!
А тут той старинке и славу поют,
А по тыих мест старинка и покончилась.